

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию

Петровой Дарьи Сергеевны

на тему «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт frustration of purpose: сравнительный анализ»
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Глобализация экономического и правового пространства, которая закономерно влечет сближение правовых систем, вовсе не означает, что правопорядки теряют свою идентичность и уникальность, основанную прежде всего на выработанных и проверенных столетиями правовых традициях. Очевидно, что и проводимая в России современная реформа российского гражданского права не может быть эффективной без исследования в ходе ее проведения зарубежных правовых институтов, категорий и конструкций. Возможность адаптации даже самых востребованных в передовых юрисдикциях уникальных иностранных правовых инструментов должна быть скрупулезно изучена и оценена с самых разных точек зрения: наличия исторических, социально-экономических, правовых, культурных, ментальных и иных условий национальной юрисдикции. Традиционное развитие российского частного права, начиная со второй половины XIX столетия по образцу авторитетных германского и французского права предопределило не только фундаментальные положения развития в нашей стране гражданского права по пути частного права (основанного, как известно на римском праве) и в целом способствовало заимствованию многих разработанных именно в континентальном праве цивилистических институтов. В то же время, сегодня появилось множество факторов, обуславливающих интерес российских граждан, в том числе бизнес-сообщества к странам, развивающимся на основе англо-американского права. Это предопределяют обращение в последнее время отдельных отечественных юристов к конструкциям общего права, которые, как известно, зародились и развивались в иной, чем у нас правовой среде, а именно в условиях действия прецедентного права. Очевидно, что цивилистическая мысль не может быть в стороне от осмысления институтов общего права на предмет их сходства и чуждости, востребованности или отказа от них. В то же время, одновременное внедрение в правопорядок

институтов, в корне разных по сущности, неизбежно приведет к столкновению не только правовых доктрин, но и вряд ли будет способствовать адекватному развитию гражданского права в целом. Поэтому необходимы продуманные решения законодателя относительно обращения к тем или иным зарубежным, не известным ранее российскому праву институтам, глубокий их доктринальный анализ.

В этой связи, представленная Д.С. Петровой диссертация «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт *frustration of purpose*: сравнительный анализ» представляется весьма актуальным и востребованным исследованием. В переживаемые нами времена форс-мажорных обстоятельств, вызванных пандемией Covid - 19, а также изменениями в экономике в связи с санкциями актуализируют вопросы совершенствования законодательства относительно защиты контрагентов договора от непредвиденных обстоятельств. Непредвиденные для сторон обстоятельства могут выражаться в разных вариантах: как в изменениях житейских ситуаций, когда у стороны договора из-за особой обстановки в семье может пропасть интерес в договоре, так и в обстоятельствах, которые возникли в связи с известными всем форс-мажорными ситуациями, как, например, введение локдауна из-за пандемии. Подобные случаи в российском праве, имеют разные правовые последствия, в том числе, возможно их рассмотрение через институт «существенного изменения обстоятельств» (ст. 451 ГК РФ) как основание для изменения и расторжения договора или через институт «непреодолимой силы» (ст.401 ГК РФ) как основание освобождения от ответственности. Изменения мотивов (побуждений) стороны, которыми он руководствовался при заключении сделки, по общему правилу, не рассматриваются как основание для признания «существенным изменением обстоятельств» и расторжения договора, а также не выступают основанием для оспаривания сделки.

Поэтому проведенное Д.С. Петровой исследование, имеющее предметом английский институт отпадения цели договора и сопоставление его со сходными российскими институтами, представляет научный и практический интерес. Автор уже в начале исследования определил главную гипотезу – существование в отечественном гражданском праве конструкций сходных с английским институтом тщетности договора. Не случайно, уже на второй странице введения диссертации автор утверждает о том, что «В некоторой мере аналогом английской доктрины тщетности договора применительно к российскому праву являются правила ст. 451 Гражданского кодекса Российской Федерации – институт расторжения (изменения) договора в связи с существенным изменением обстоятельств».

Одной из практических областей применения указанных норм как раз и являются случаи отпадения цели договора или нереализации мотива к заключению договора» (С.6 работы).

Следует констатировать, что автору удалось достичь цели исследования и решить поставленные в работе задачи. Цель диссертационного исследования Д.С. Петровой состояла в сопоставление подходов российского и английского права к решению вопроса последующего отпадения цели договора сквозь призму выявленного критерия юридически небезразличного мотива вступления стороны в сделку.

Для реализации указанной цели автором были поставлены задачи, нашедшие отражение в структуре работы. Ознакомление с содержанием диссертационной работы позволяет сделать вывод о том, что указанная цель автором в полной мере была достигнута, а необходимые для ее достижения задачи были решены.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в рамках рецензируемой работы впервые проводится комплексный компаративный системный анализ такого частного случая существенного изменения обстоятельств как отпадение цели договора. При этом проблематика отпадения цели договора в российском праве исследуется не просто в сравнении с английской концепцией тщетности цели договора, но также и сквозь призму подхода немецкого права о юридическом значении каузального мотива в гражданском праве.

Следует особо отметить солидную эмпирическую основу исследования Д.С.Петровой, которая включает многочисленные решения английских судов всех инстанций, принятые с конца XIX века (момент возникновения доктрины «frustration of contract») и до настоящего времени.

Необходимо обратить внимание и на внушительный изученный автором список источников по теме исследования на английском и немецком языках, многие из которых впервые представлены для юридической общественности.

Структура диссертационной работы продумана с точки зрения достижения поставленных в ней основной цели и задач, отличается полнотой и пропорциональностью изложения материала. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных параграфы, заключения.

Положения диссертационного исследования представляются обоснованными, достоверными и заслуживающими поддержки, что позволяет их использовать в научной, правотворческой и правоприменительной деятельности. Предложенные в работе положения отличает оригинальность и новизна.

Следует также подчеркнуть хороший юридический стиль написания данной работы, логичность построения аргументации и формулировки на ее основе выводов. Несомненный научный интерес представляет так называемая описательная часть работы, а именно авторская характеристика английского института *frustration of purpose*, определение его существенных свойств и признаков, видов, условий применения. Институт *frustration of purpose* автор показывает на примере оригинальных английских прецедентов («живых» примеров), которые наряду с научным значением могут, иметь и интерес для дальнейшего использования в учебной литературе при рассмотрении в учебных целях сравнительного английского и российского гражданского права.

Высоко оценивая диссертационную работу, которая производит исключительно положительное впечатление, хотелось бы обратить внимание на положения, требующие дополнительной аргументации или имеющие дискуссионный характер.

Во-первых, несмотря на то, что автор в целях и задачах работы предполагает компаративистское исследование, в выносимых на защиту четырех положениях (№ 1-4) представлен сугубо сущностный анализ отдельных элементов английского института *frustration of purpose* без какого-либо сравнения с российскими сходными по природе правовыми конструкциями (в положение №1 есть лишь сопоставление с континентальным правом, а в положение № 4 с немецким правом, но без привязки к российскому). В этой связи и внушительная часть текста (84 стр. из 208 стр. текста) работы состоит главным образом в описании английского права, что, конечно, само по себе тоже интересно, но, расходится с заявленным соискателем в работе основным методом исследования - сравнительно-правового анализа. Поэтому отрыв от сравнительного анализа с российским правом в четырех вынесенных на защиту положениях представятся не вполне обоснованным.

Во-вторых, формулируя, пожалуй, главную идею работы (ради которой и проводилось все исследование, а именно найти близкие по содержанию правовые конструкции) о том, что «Расторжение (изменение) договора ввиду существенного изменения обстоятельств как последствие отпадения цели договора является не единственным случаем, когда российский законодатель признает правовое значение за мотивами вступления стороны в сделку. Мотив учитывается также при оценке наличия оснований для оспаривания сделки ввиду существенного заблуждения, а именно в ситуации ошибки в предмете сделки, а также ошибки в

обстоятельствах, исходя из которых заключается договор» (с. 203) , автор, как нам показалось, не доводит эту идею до своего завершения (зрелости).

Очевидна некоторая недосказанность автора относительно, того - а что следует дальше? Авторская находка в российском договорном праве сходных с английским *frustration of purpose* правовых институтов не получила в диссертации дальнейшего развития. В диссертациях подобного рода необходимо не только показать сущность тех или иных институтов и их возможные аналоги в других правопорядках, но и сформировать авторскую концепцию о дальнейшем развитии сходной конструкции, показать возможности заимствования или наоборот отказа от нее, очертить хотя бы самый общий механизм его возможного действия в иностранной среде.

В-третьих, в положении на защиту № 6 автор утверждает, что: «Российский законодатель признает за мотивами вступления стороны в сделку правовое значение» и Дарья Сергеевна даже аргументирует возможность признания сделки недействительной по основанию заблуждения в мотиве. Она пишет: «В порядке ст. 178 ГК РФ вследствие ошибки в мотиве может быть эффективно оспорена сделка, если ее сторона заблуждалась в отношении предмета сделки или обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку» (с.13).

Как нам представляется, комментируя подобным образом ст. 178 ГК РФ автор допускает ее расширительное толкование, в основе статьи критерий «несовпадения воли и волеизъявления» в результате чего не достигнута «цель» сделки, т.е. кауза, а не мотив. Хотелось бы услышать дополнительную аргументацию указанного авторского вывода.

В-четвертых, в положении на защиту № 5 автор формулирует такой критерий как «каузальность мотива» и приводит аргументы в обосновании его существования в немецком праве. Автор пишет, что «Данным признаком является каузальность мотива, предполагающая, что если бы не было ошибки в мотиве, то сделка не была бы совершена вовсе или была бы заключена, но на иных условиях. Указанный критерий позволяет отграничить юридически значимые мотивы, ошибка в которых может повлиять на юридическую судьбу сделки, от побудительных причин, которые действительность договора не затрагивают».

Заметим, что действительно в немецком праве в учение о сделках имеет место категория «заблуждение в мотивах» (так называемая «*Errog* в мотивах»), он сводится к тому, что «известное решение принято под влиянием ложных представлений о каких-либо обстоятельствах». При этом считается, что это «вовсе не дает повод для того утверждения, что

изъявление воли не соответствует действительному содержанию внутренней воли. Ради прочности оборота право не придает значения заблуждению в мотивах». Поэтому нельзя признать недействительной сделку по покупке мебели с целью подарить ее дочери на свадьбу, в случае если брак не состоялся или нельзя признать недействительным договор простого товарищества, в случае, если вступая в него сторона считала своего партнера опытным и хорошим купцом, а его предположения не оправдались (примеры из книги Хвостов В.М. см.: Хвостов В.М. Система римского права М., 1996. С.156-157).

Сам по себе оригинальный вывод автора о «каузальности мотива» также требует дальнейшего изучения и дополнительной аргументации, в частности, необходимо показать, что автор понимает под каузальностью мотива, построить систему его признаков, по которым так называемая «каузальность мотива» будет иметь значение как основание для оспаривания сделки.

В-пятых, по результатам проведенного рецензирования представленной на наш суд диссертации хочется резюмировать еще один тезис относительно главной авторской идеи. На наш взгляд, в работе руководствуясь целью поиска аналогов для английского института *frustration of purpose* автор формулирует довольно смелое предложение в учение о каузе, при котором имеет место объединение в одном критерии цели (каузы) сделки и ее мотивов. Мотивы с точки зрения цивилистики представляют собой лишь побуждения, т.е. эмоции, которые формируют цель (основание, каузу сделки) и стимулируют лицо к вступлению в сделку. Учение исходит из того, что правовую форму в цивилистике обретает именно цель сделки (кауза, основание) и ее качество влияет на последующую действительность или недействительность сделки. Еще В.М. Хвостов, на основе пандектного учения писал о мотивах как процессе «образования решений», который «обыкновенно совершается в душе человека путями, недоступными для наблюдения других лиц» и они «все же известны не все». Поэтому гражданское право, в отличие от морали признает, что по общему правилу «каждое изъявление воли в юридических сделках должно обсуждаться независимо от его мотивов» (см.: Хвостов В.М. Указ.соч. С. 156).

Однако для определенных случаев в континентальной доктрине допускается правовое оформление мотива по желанию лица путем заключения условной сделки, которая и приводит к охране интересов контрагента, если в ходе исполнения у стороны пропадут первоначальные мотивы, которые и побудили его к данной цели (каузе). В силу принципа свободы договора мотив сделки может приобрести правовое значение в идее

оформления его как отлагательное или отменительное условия сделки (в условных сделках).

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования Д.С.Петровой.

Диссертация Петровой Дарьи Сергеевны на тему «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт frustration of purpose: сравнительный анализ» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Петровой Дарьи Сергеевны заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Емелькина Ирина Александровна

«23» октябре 2021 г.

г.

